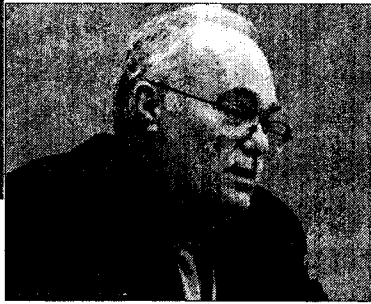

Нельзя идти вперед спиной

По просьбе «Питерской Вышки» закон «О персональных данных» комментирует Иосиф Михайлович Дзялошинский – профессор кафедры публичной политики ГУ-ВШЭ, президент правозащитного фонда «Комиссия по свободе доступа к информации», гость «Нетелевизионных встреч», организованных нашим изданием.

Я достаточно внимательно прочитал проект Закона «О персональных данных». Что касается проекта, то он составлен на основании уже существующих в мировой практике нормативных актов и, по сути, повторяет их. Именно поэтому некоторые комментаторы считают, что он хороший. (Почему-то все, что соответствует мировым стандартам, считается хорошим).

Что касается комментариев, то они делятся на три группы. Одни комментаторы, как я уже сказал, считают, что в целом проект хороший, надо только поправить некоторые его статьи, чтобы он был еще лучше. Другие комментаторы полагают, что проект недостаточно учитывает мнения ортодоксальных верующих и представляет некоторых других групп, требующих еще более жесткой защиты персональных данных, чем это предусмотрено в проекте. Третьи полагают, что дело вообще не в законе, а в том, что в нашей стране все законы применяются в соответствии с поговоркой «Закон, что дышло...», а, следовательно, он практически никак не повлияет на сложившиеся традиции в обращении с персональной информацией. Разве что взятки будут брать больше.

Я не участвовал ни в подготовке этого документа, ни в дискуссиях по его поводу по вполне принципиальным соображениям. Полагаю, что прежде, чем принимать такого рода законы, надо получить ответы на важнейшие для современной цивилизации вопросы, затрагиваемые в них. В частности, прежде чем принимать закон о защите частной жизни, надо понять, что такое частная жизнь сегодня, когда формируются принципиально новые культурные механизмы взаимодействия людей и создаются принципиально новые технологии сбора, обработки и распространения информации.

У меня нет этих ответов. Но я полагаю, что нельзя идти вперед спиной. Нельзя все время смотреть назад и цитировать замечательные мысли замечательных людей XVIII и XIX веков.

Суть дела

Несколько слов о сути проблемы, которой посвящен данный закон.

Сначала о том, что такое информация. Информация – это не сведения, как пишут в словарях. Информация – это субстанция решения. Информация нужна для того, чтобы принимать решения. Все остальное – это шум.

Теперь о том, что такое частная жизнь.

В качестве частной жизни защищается не определенный вид действий, а сфера, к которой могут быть отнесены любые обстоятельства и действия. Речь идет, если исходить из известной формулировки судьи Верховного Суда США Брандейза, «о праве быть оставленным в покое – самом универсальном из всех прав, которое более всего ценят цивилизованные люди».

К частной жизни относится, если я правильно понимаю, сфера семейной жизни, родственных и дружественных связей, интимных и других личных отношений, привязанностей, симпатий и антипатий. Образ мыслей, политическое и социальное мировоззрение, увлечения и творчество также относятся к проявлениям частной жизни.

Однако такое толкование частной жизни ничего не дает для понимания сути проблемы. С моей точки зрения, частная жизнь – это совокупность действий и решений человека, скрываемых им от внешнего контроля. В том числе и действий с информацией. Например, право на неприкосновен-

ность частной жизни означает предоставленную человеку и гарантированную государством возможность контролировать информацию о самом себе, препятствовать разглашению сведений личного, интимного характера.

Все было бы достаточно просто и понятно, если бы не некоторые «но».

Например, очень простой вопрос: если вы хотите жениться, имеете вы право знать все о своей избраннице? А если она не хочет, чтобы вы знали кое-какие нюансы ее прошлой жизни? И имеет право, ведь это ее частная жизнь!

Секс – это частная жизнь человека? Разумеется. Однако как быть с эпидемией СПИДа?

Семейная жизнь – это частная жизнь человека? Разумеется. Однако как быть с семейным насилием?

Если индивид любит долго мыться под душем – это частная жизнь? Разумеется. Только не для населения коммунальной петербургской квартиры, где живут полсотни граждан, тоже мечтающих попасть утром в душ.

Одно дело частная жизнь индивида, живущего в одиноком доме посреди чистого поля или непроходимой тайги, от которого ничего не зависит и который своей частной жизнью не мешает комфортному течению частной жизни других. И совсем другое дело – частная жизнь современного индивида, живущего в постоянном взаимодействии с сотнями, а иногда и тысячами других индивидов и каждым своим действием задевающим интересы этих сотен и тысяч.

Мы требуем от государства, чтобы оно нас защитило от террористов, маньяков, преступников, и не разрешало ему собирать и анализировать информацию о нас самих. Так не получится.

Почему именно сейчас проблема права на приватность стала такой острой? Потому что человечество, по крайней мере западное, входит в новую культурную и информационную ситуацию и, чувствуя угрозы сложившейся практике отношений, хотело бы сохранить привычные схемы жизни такими, какими они были в XVIII, XIX и частично в XX веках.

Собственно говоря, в чем проблема?

Во-первых, в том, что мы хотим, чтобы о нас знали только то, что мы сами о себе хотим рассказать. То есть проблема защиты персональных данных связана со стремлением скрыть от окружающих некоторые детали своей жизни. Абсолютно законное желание. Но не менее законно и желание заинтересованных в вас людей знать о вас именно то, что вы хотите скрыть. Потому что качество любого решения определяется полнотой и качеством информации, на основе которой это решение было принято.

Во-вторых, в том, что категория «частная жизнь» не имеет юридического содержания. Правовое регулирование лишь устанавливает пределы ее неприкосновенности и, соответственно, пределы допустимого вмешательства. В западной культуре как основа независимости рассматривается собственность. Чем больше собственности, тем больше независимости. Понятно, что эта идея рано или поздно должна была

добраться и до рассмотрения приватности как собственности. Моя жизнь – моя собственность. А собственность священна.

В-третьих, в том, что защита права на приватность обосновывается необходимостью создать условия для поддержания социального сотрудничества. Иначе говоря, любое человеческое общество, где право на приватность игнорируется, рано или поздно рассыплется. Другими словами, невозможно жить в обществе, где все все обо всех знают.

И именно эта идея лежит в основе западной концепции защиты приватности, а вовсе не высокие идеалы борьбы с тиранией и всевластием государства.

Теперь о субъектах, интересующихся нашей частной жизнью. Что такое исповедь? Это честное и подробное информирование о своей частной жизни. Будет ли искренне верующий человек сомневаться в праве священника знать о нем все? Нет.

Почему?

И этот же человек будет с неистовым негодованием возмущаться желанием других людей или государства знать малую толику того, что он поведал священнику.

Почему?

Тайна исповеди – гарантия неприкосновенности личной жизни верующих. Духовное лицо не подлежит ответственности за недонесение о преступлении, ставшем ему известным из исповеди (п.11 ст.5 Уголовно-процессуального Кодекса).

Значит, духовное лицо, знающее о планируемом преступлении, не несет ответственности за недонесение о преступлении, а я, такой же гражданин, как и это духовное лицо, за недонесение о преступлении, о котором я знал, попаду в тюрьму?

Почему?

Закон гарантирует гражданину конфиденциальность сведений, составляющих врачебную тайну (п.6 ч.1 ст.30, ст.61 Основ законодательства об охране здоровья граждан). В содержание врачебной тайны включаются данные: о факте обращения за медицинской помощью, о диагнозе болезни и лечении, его методах, о состоянии здоровья лица, обратившегося за помощью (его физических и психических недостатках, интимных связях и т.п.). Спасибо закону.

Но если человек с, мягко говоря, психическим недостатками, становится политическим деятелем национального масштаба и влияет на принятие важных решений, должны ли мы защищать его право на конфиденциальность сведений, составляющих врачебную тайну?

И т.д., и т.д., и т.д., и т.д., и т.д., и т.д.

Поймите меня правильно. Я тоже хочу, чтобы никто не вмешивался в мою частную жизнь, не читал моих писем и не собирал информацию о моих потребительских предпочтениях без моего явно выраженного согласия. Я только не верю в то, что принятием самых замечательных и правильных с точки зрения экспертов законов можно остановить процесс «опрозрачивания» общественной и частной жизни человека. Просто будет повышаться цена информации, и она будет доступна не всем, а некоторым. Сейчас диск с персональными данными можно купить за три тысячи рублей, а с принятием закона он будет стоить три тысячи долларов. Значит, возможность принятия эффективных решений будет доступна еще меньшему количеству индивидов, способных заплатить за нужную информацию большие деньги. Так кому выгоден этот закон?

Я не знаю ответов на много же поставленные вопросы. Я только утверждаю, что, не зная этих ответов, трудно оценить перспективность законов, призванных регулировать столь деликатную сферу.

Частная жизнь – это совокупность действий и решений, скрываемый индивидом от постороннего контроля